

Orłowski, Jan

К вопросу о традициях жанра "святочного рассказа" в русской прозе : (Достоевский, Лесков, Чехов, Куприн, Андреев, Сологуб, Горький)

In: *Genologické studie. II, K počtě profesora Franka Wollmana.*
Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 1993, pp. [355]-364

ISBN 8021008369

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132332>

Access Date: 11. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ЖАНРА "СВЯТОЧНОГО РАССКАЗА"
В РУССКОЙ ПРОЗЕ

(Достоевский, Лесков, Чехов, Куприн, Андреев, Сологуб, Горький)

Jan Orłowski (Lublin)

В наше время "святочный рассказ" (иногда его называют и "рождественским") является уже забытым, чисто историческим жанром малой прозы. Он процветал, однако, в русской литературе второй половины XIX и начала XX веков, привлекал внимание выдающихся писателей, среди которых были Достоевский, Лесков, Чехов, Куприн, Андреев, Сологуб, Горький и многие другие.

Святочные рассказы возникли в условиях социального неравенства, их целью было пробуждать в человеке совесть, возбуждать сочувствие богатым к нищим, которым надо было оказать помощь и утешение хотя бы один раз в год, по случаю рождества или пасхи. Эти черты святочных рассказов отметил Максим Горький, когда в воспоминаниях о Леониде Андрееве писал о том, как весной 1898 года прочитал его "Баргамота и Гараську" (1898) - "пасхальный рассказ обычного типа; направленный к сердцу праздничного читателя, он еще напоминал, что человеку доступно - иногда, при некоторых особых условиях - чувство великодушия и что порою враги становятся друзьями, хотя и ненадолго, скажем - на день..."¹ В названном здесь раннем произведении Андреева Горький заметил "неизбежный сентиментализм "пасхальной" и "рождественской" литературы".

Святочный рассказ как особый литературный жанр проник в Россию с Запада. Он процветал особенно в английской (Чарлз Диккенс, Морлей Робертс и др.) и скандинавской литературе (Ганс Кристиан Андерсен, Сельма Лагерлеф). Классическими образцами святочного рассказа являются "Девочка со спичками" (1845) Андерсена и "Рождественская песнь в прозе" (1843) Диккенса.² В них даны две модели фабульной развязки этого жанра. У Андерсена сирота беспомощно замерзает на улице бездушного города в морозную рождественскую ночь (трагическая модель), у Диккенса бездушный скряга в атмосфере праздника рождества превращается в добрейшего и отзывчивого "рождественского" дедушку (сентиментальная модель). Английский писатель в своих святочных рассказах использовал "элементы фольклорной фантастики, приуроченные к рождественской ночи", переносил действие своих произведений в большой город с характерными для него социальными противоречиями и создал жанр сентиментально-фантастической повести, герои которой, проживая в среде бедняков, стремятся к добру и оказывают взаимную поддержку друг другу.³

Возникновение святочного рассказа в русской литературе в наиболее характерном для него виде связано с именем Федора Достоевского. Уже в 1848 году появилась его "Елка и свадьба (Из записок неизвестного)"⁴. Свадьба заплаканной красивой шестнадцатилетней девушки со старым, пошлым, но влиятельным

и расчетливым мужчиной пробуждает в рассказчике воспоминание о елке и детском бале, которые состоялись "ровно пять лет назад" (героиней бала была тогда та же девушка). Тогда на этой новогодней елке при раздаче подарков дети, собравшиеся в доме "известного делового лица", встретились с неравенством, лицемерием и чиновничеством взрослых. Святочные подарки детям по своей ценности соответствовали чинам и рангам родителей. Самый ценный подарок достался тогда обожаемой всеми дочке известного лица, самый дешевый - книжка без картинок - сыну бедной вдовы, гувернантки в доме хозяина детского бала.

В "Елке и свадьбе" Достоевского тематика святочного рассказа использована автором для создания типичного для раннего творчества этого писателя и для прозы натуральной школы произведения о социальной несправедливости, контрастах жизни большого города, о культе власти и денег. Это - вернее сказать - не святочный рассказ о судьбе детей, но об отношениях в мире взрослых.

Все черты, характерные для святочного рассказа, восходящего к традиции Диккенса и Андерсена, полностью отразились в "Мальчике у Христа на елке" Достоевского. Этот рассказ появился в январской книге "Дневника писателя" за 1876 год. В своей тогдашней публицистике ("Дневник писателя") и записных тетрадях Достоевский уделял очень много внимания русским детям, трагические судьбы которых, как известно, отразились во многих художественных произведениях писателя.

Создавая "Мальчика у Христа на елке", Достоевский опирался - как доказал Георгий Фридлиндер - на сюжет стихотворения "Елка сироты" немецкого поэта Фридриха Рюккерта и на собственные наблюдения⁵. В статье Г. М. Фридлиндера и в комментариях к названному произведению Достоевского подчеркивается, однако, следующее:

"Как показывает сопоставление рождественского стихотворения Рюккерта и рассказа Достоевского, они идейно и художественно несоизмеримы: воспользовавшись довольно традиционным святочным сюжетом баллады Рюккерта как канвой для собственного рассказа, Достоевский создал оригинальное художественное произведение, глубоко национальное, "петербургское" по содержанию и притом очень далекое от стихотворения Рюккерта по тону и колориту, стилю и языку"⁶.

Наблюдая жизнь петербургских детей на улице, рождественской елке, в колонии для малолетних преступников, Достоевский записывал свои впечатления в записных тетрадях. Они отразились и в рассказе "Мальчик у Христа на елке", в первой части которого ("Мальчик с ручкой") читаем:

"(...) Перед елкой и в замую елку перед рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему ..."

Уже в этих словах создана типичная для святочного рассказа обстановка. Во второй части произведения Достоевский воспользовался фантастическим сюжетом, который начинался следующим образом:

"(...) Мне все мерещится что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в погале мальчик, но еще очень ма-

ленький, лет мести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал" ("Мальчик у Христа на елке").

Сюжет писатель продолжил по образцу традиционных святочных рассказов. Мальчик выходит на улицу просить подаяния, встречает толпы сытых, довольных и равнодушных людей, входит в какой-то большой освещенный зал с елкой, где раздавали детям подарки. Оттуда его прогнали, он спрятался в каком-то грязном дворике, где и замерз. Перед смертью чудилось ему, что его пригласили на елку у Христа. Тогда он увидел, что там "были все такие же, как он, дети, но они замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы петербургских чиновников...".

Как видно, Достоевский, сохранив вполне выразительный петербургский и национальный колорит своего произведения, удачно воспользовался условной формой рождественского рассказа, образцы которого были тогда уже широко распространены в западно-европейской литературе⁸. "Мальчика у Христа на елке" можно считать классическим и образцовым примером святочного рассказа в русской литературе. Однако этот жанр в огромном наследии Достоевского занял лишь незначительное место.

Совершенно по-другому подошел к художественным возможностям рождественских рассказов современник Достоевского - Николай Лесков. В 1886 году он издал отдельный сборник "Святочные рассказы", в который вошли: "Жемчужное ожерелье", "Зверь", "Дух госпожи Жанлис", "Приведение в Инженерном замке", "Маленькая ошибка" и другие. Многообразные сюжеты некоторых произведений, вошедших в названный сборник (например, "Штопальщик", "Путешествие с нигилистом", "Отборное зерно", "Белый орел", "Старый гений"), не напоминают традиционных святочных рассказов, и их условно лишь можно с ним отнести. В них иногда только время повествования относится к рождественскому или новогоднему вечеру:

Лесковские святочные рассказы с давними главным образом в 1880-е годы, когда этот жанр имел уже определенную традицию в европейской, а также в русской литературах. Были годы, когда к рождеству Лесков - по заказу или по своей инициативе - писал больше чем один рассказ такого вида. Об этом свидетельствует его письмо от 17 декабря 1880 года, адресованное Ивану Аксакову, в котором автор сообщал:

"(...) Гоню всемерно спешно рождественский рассказ для Суворина и 20-21 дам; а затем, если хотите - могу написать и прислать Вам к Новому году тоже маленький же рассказ (сибирское предание) "Как Христос на рождество к мужику в гости зашел"⁹.

Работая над святочными рассказами, Лесков вскоре заметил все тематические ограничения и скудность их фабулы. В этом убеждает нас его святочный рассказ "Жемчужное ожерелье" (1885), в котором герои ведут интересную дискуссию о недостатках этого жанра. Они, конечно, выражают взгляды самого Лескова, их высказывания отражают его художественные искания в области этого жанра. Поэтому стоит здесь подробнее разобрать названный рассказ "Жемчужное ожерелье", который по сути дела является характерным для наследия Лескова сказом и только в некоторой степени напоминает рассматриваемый здесь жанр малой прозы.

В начале этого произведения, в котором ведет повествование один из его персонажей, говорится о том, как "в одном образцовом семействе" была проведена за чаем интересная беседа о литературе, о вымысле и фавуле. Участники беседы пришли к заключению, что фавулы произведений Диккенса "не страдают скудностью содержания", но этого нельзя сказать о его святочных рассказах. Вот замечание одного из собеседников на эту тему:

" - Исключение составляют разве только одни его святочные рассказы. И они, конечно, прекрасны, но в них есть однообразие; однако в этом винить автора нельзя, потому что это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя кевольником слишком тесной и правильно организованной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера - от рождества до крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец - чтобы он оканчивался непременно весело. В жизни таких событий бывает немного, и поэтому автор неволит себя выдумывать и сочинять фавулу, подходящую к программе. А через это в святочных рассказах и замечается большая деланность и однообразие"¹⁰.

Против такого мнения возражал другой собеседник. По его словам - "святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы".

По настаиванию всех собеседников рассказчику пришлось тут показать - "такое событие из современной жизни русского общества, где отразился бы и тек и современный человек, и между тем все бы это отвечало форме и программе святочного рассказа, то есть было бы и слегка фантастично, и искореняло бы какой-нибудь предрассудок, и имело бы не грустное, а веселое окончание" ("Жемчужное ожерелье").

После этого вступления Лесков старался практически доказать возможность такого именно видоизменения формы святочного рассказа.

С характерным для таланта писателя юмором рассказчик повествует о том, как приехал к нему на святки его холостой брат и обратился с просьбой, чтобы его немедленно женили. Вскоре нашли невесту, Машу Васильеву, дочь богатого и скупого мецанина, который выдал раньше двух старших дочерей, не дав им приданого. Возникли опасения, что и Маша ничего не получит, тем более, что к рождественскому празднику отец подарил ей красивое жемчужное ожерелье, но из фальшивого жемчуга. Новый жених, однако, не думал о приданом, он женился только из любви. Этим бескорытием тронул сердце отца-схваляжника, который и Маше, и старшим ее сестрам дал по пятьдесят тысяч рублей приданого.

Анализируемый тут сказ заканчивает Лесков словами:

" - Вот вам весь мой рассказ, - заключил собеседник, - и я, право, думаю, что, несмотря на его современное происхождение и на его невнимательность, он отвечает и программе и форме традиционного святочного рассказа".

Как видно, Лесков отходит от фантастики и шаблонности содержания классических святочных рассказов. Не вводит в сюжет произведения нищих и сирот, живущих в бедности и замерзающих

в зимнюю рождественскую ночь. Его герои богаты и сыты. Писатель воспользовался в "Жемчужном ожерелье" только некоторыми постоянными элементами фабулы святочного рассказа: действие здесь происходит тоже в святки, рождение Христа и здесь смягчает совесть богатого скряги, который решает, наконец, выполнить свой родительский долг по отношению к своим детям.

Своеобразие святочных рассказов Лескова попытаемся выяснить еще на одном примере, которым является сказ "Зверь" (1883), названный автором "рождественским рассказом". В этом призывении повествуется о жестоком барине, который никого никогда не прощал, провинившихся слуг беспощадно наказывал и любил развлекаться травлей прирученных медведей. В день рождества устроил травлю медведя, но по вине доезжачего Феропонта зверь растерзал несколько охотничьих собак и убежал в лес. Вечером все гости собрались у елки и ждали страшного наказания злополучного слуги. Старый священник нарочно "говорил о любви, о прошенье, о долге каждого утешить друга и недруга во имя Христово". Призванный доезжачий бросился на колени перед барином, а тот неожиданно велел ему подняться и сказал: "Ты любил зверя, как не всякий умеет любить человека. Ты меня этим тронул и превзошел меня в великодушии. Объявляю тебе от меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди куда хочешь"¹¹. В эпилоге узнаем, что через некоторое время барин поселился в Москве, занялся благотворительной деятельностью и там "словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел туда поспевать вовремя".

Лесковский "Зверь" оказывается нетрадиционным, но все-таки святочным рассказом. Пробуждение совести у героев этих рассказов Лескова совершается обязательно в святки и преимущественно не под воздействием самой атмосферы рождественской ночи, как в традиционных реализациях этого жанра, а скорее под благотворным влиянием высоко нравственного поступка другого человека, в котором выражается очевидное моральное превосходство нищего над богатым и слабым над сильным. Разбираемый святочный рассказ Лескова и говорит о том, как "зверь" превратился в человека.

Автором многих святочных рассказов был Антон Чехов. В его творчестве можем найти рождественские рассказы ("Кривое зеркало", "Елка", "В рождественскую ночь", "Сон", "Ванька", "Сапожник и нечистая сила", "На святках"), новогодние ("Ночь на кладбище", "Мошенники поневоле", "Орден", "Праздничная повинность", "Либерал",) и, наконец, пасхальные рассказы ("Святою ночью", "Закуска", "Лист").

Самих только рождественских рассказов можно в наследии Чехова назвать не менее десяти. Некоторые из них создавались по специальному заказу редакторов газет и журналов. Свидетельствует об этом письмо, с которым Алексей Курепин, редактор сатирического еженедельника "Будильник", обратился к Чехову 11 декабря 1883 г.:

"Редакция "Будильника" надеется, что Вы не забыли свое обещание - дать что-нибудь хорошенькое для декабрьских номеров (...). Не вдохновят ли Вас святки или Новый год?"¹²

Наиболее известным и трогательным примером чеховских святочных рассказов является "Ванька". Что же не помнит его первого предложения: "Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину,

в ночь под рождество не ложился спать". Отказываясь от всякой фантастики, автор представил безнадежную судьбу деревенского сироты, у которого "жизнь хуже собаки всякой". Чехов использовал здесь все типичные мотивы традиционного святочного рассказа - судьба маленького сироты в чуждом ему городе, рождественская ночь и воспоминание о елке у господ в деревне. Елка, которую помнит Ванька, и связанные с нею счастливые минуты его жизни подчеркивают печальную новую жизненную ситуацию маленького героя в городе. В открытом финале рассказа Чехов не создает дешевой картины минутного счастья, которое иногда находят герои святочных рассказов у других авторов. Неумело адресованное письмо Ваньки не дойдет до дедушки в деревню, тот не узнает о его судьбе, не возьмет его обратно к себе.

Фабульные рамки святочного рассказа заполнил Чехов оригинальным содержанием в произведении "Сон". Автор ввел здесь фантастический мотив. Герой рассказа Петр Демьянич работал оценщиком в ссудной кассе, принимал и оценивал разные вещи бедняков, читал на них "безвыходное горе, болезнь, преступление, продажный разврат". Оказывалось, что всегда "в канун рождества бедняки ломались в ссудную кассу толпами". Утомленному трудом оценщику приснилось, что вещи бедняков стали просить его, чтобы он отпустил их к их хозяевам и позволил им вместе с ними провести рождество. Чехов написал в этом рассказе: "Дело в том, что человека, наделенного от природы нервами оценщика, в ночь под рождество мучила совесть - событие невероятное и даже фантастическое" ("Сон").

Пробуждение совести человека в рождественскую ночь - как уже говорилось об этом - постоянный мотив многих святочных рассказов. Оно совершается и у героя (к его же удивлению) чеховского "Сна". Он раздает в эту ночь беднякам их заставленные вещи. Утром поздравил оценщика с праздником городской, который пришел его арестовать за выдачу из кассы вещей без выкупа.

Фантастическим мотивом воспользовался Чехов и в святочном рассказе "Сапожник и нечистая сила" (1888), герой которого продал душу дьяволу за богатство. Вскоре, однако, убедился, что оно не принесло ему счастья. В этом рассказе проявилось увлечение Чехова моральными идеями Льва Толстого.

Выше рассматривались некоторые святочные рассказы Чехова, в которых выразились характерные для этого жанра идейно-этические тенденции. Но Чехов, следуя натуре своего таланта, писал также и сатирические святочные рассказы. К ним относится в первую очередь "Елка" (1884). Вот какую святочную елку представил автор:

"(...) От низу до веру висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрши, кукиши с маслом, мелчки по носу и проч. Вокруг елки толпятся взрослые дети. Судьба раздает им подарки..."

Ирония писателя вполне раскрывается в конце рассказа, когда оказывается, что сотруднику юмористических журналов остались на елке уже только следующие "подарки": уздечка, вожжи, еловые рукавицы, месяц тюрьмы, оловянный солдатик и карта Севера.

Чехов писал святочные рассказы с 1882 по 1900 год. Он проявил оригинальный и творческий подход к этому популярному жанру беллетристической прозы, создавая и образцовые формы святочных рассказов ("Ванька"), а также их пародии ("Страшная

ночь") и юмористические варианты ("Сон", "Елка"). Среди классиков русской прозы Чехов сильнее и выразительнее всех увлеклся святочным рассказом, форму которого сумел мастерски обогатить, преодолев традиционные шаблоны фавулы и тематики этого жанра.

Известный прозаик Александр Куприн уделял святочным рассказам гораздо меньше внимания, чем Лесков или Чехов, но и в его творчестве найдем все-таки несколько примеров произведений этого жанра ("Жизнь", "Миллионер", "Чудесный доктор", "Путаница", "Начальница тяги").

Аллегорический рассказ "Жизнь" (1895) Куприн назвал "рождественской сказкой". Говорится в нем о сложности и противоречивости жизни. Эту мысль выражают повторяющиеся два лейтмотива: "Как скучно, как страшно жить!" и второй: "О, как прекрасна жизнь! Как хороши люди!" Первое изречение повторяет старая уродливая сосна, второе - "стройная зеленая елочка", которую однажды вырубил, украсил и поставил в рождественский праздник в пышном зале на радость детям. А в то же самое время "на корявых сучьях уродливый сосны покончил свою печальную жизнь какой-то бесприютный скиталец"¹³. "Жизнь" Куприна несомненно представляет собой немаблонный вариант святочного рассказа.

По всем классическим канонам этого жанра написан, однако, "Чудесный доктор" (1897) Куприна. В созданном автором образе находим нищую семью, живущую в сыром подвале, больных и голодных детей, недоступные им елки в окнах богатых домов, случайную встречу с доктором, оказавшим помощь несчастной семье Мерзальных. Обращаясь к реальному прототипу "чудесного доктора", известному хирургу Николаю Пирогову, писатель создал оригинальный рассказ о человеческой отзывчивости на чужую нужду и страдание. "Чудесный доктор" Куприна утверждал веру в чудотворную силу добра, оказанного людям.

Популярный в русской литературе мотив справедливого безумца как жертвы аномальных общественно-политических отношений попал и в святочный рассказ, о чем свидетельствует "Путаница" (1897) Куприна. В основу содержания положено здесь письмо пациента психиатрической больницы, который, будучи вполне здоровым, попал туда по ошибке и призыву врача. Как видно, писатель обратился к необычной для святочного рассказа теме и избрал для нее весьма оригинальную форму.

Первые рассказы Леонида Андреева, как известно, связаны с традициями реалистической русской прозы XIX века. Они проникнуты пафосом социального протеста против несправедливости, морального лицемерия и унижения человека. Эта социально-психологическая насыщенность ранней прозы писателя проявилась также в его пасхальных ("Баграмот и Гараска", "Гостинец") и рождественских рассказах ("Ангелочек", "В темную даль").

Наиболее интересным примером святочного рассказа в творчестве Андреева является его "Ангелочек" (1899). Героем рассказа является исключенный из гимназии и озлобленный на всех мальчик Сашка. Рождественский праздник пробуждает, однако, и в нем хорошие чувства. Попавши на елку у одной семьи, он старается во что бы то ни стало принести больному отцу красивого ангелочка из воска. Атмосфера праздника и отзывчивость сына пробуждают в отце мысль о другом мире, не похожем на окружающую действительность и его горький жизненный опыт. В финальной сцене отразился характерный для Андреева пессимизм

его мировоззрения. Повешенный / печки ангелочек скоро растаял, принес он героям только минутную иллюзию счастья.

В другом святочном рассказе Андреева, озаглавленном "В темную даль" (1900), выразился более обостренный подход автора к социальным проблемам его эпохи. Представлен здесь протест сына против мещанского образа жизни отца-приобретателя. После семи лет скитаний обиженный когда-то отцом сын вернулся накануне рождества. Этот праздник любви и добра должен внести новую атмосферу в семью Барсуковых ("И рождество в этом богатом доме наступило смутное и безрадостное"). Однако святки только на короткое время сумели примирить семью. Моральные конфликты между поколениями отцов и детей в ней не исчезли, и сын Николай вскоре опять ушел из родительского дома. В святочных рассказах Андреева рождество всегда пробуждает хорошие чувства в людях и обычно вносит минуты счастья в их семейную жизнь.

Федер Сологуб в своем "Рождественском мальчике" (1905) отошел от канонов традиционного святочного рассказа. Описанная автором трагическая судьба мальчика-сироты тесно связана с революционными событиями 1905 года в Петербурге. Герой рассказа Пусторослев, который приютил и устроил ему елку в святки, является подпольщиком и недавно вернулся из ссылки. Малым революционером оказывается и Гриша, который тайком идет на уличную демонстрацию рабочих и вскоре гибнет от солдатской сабли. Сологуб, как видно, ввел в святочный рассказ необычную для этого жанра революционную тематику. Оказывая помощь осиротевшему мальчику из рабочей семьи, герой этого рассказа поступает по наказу солидарности борцов, а не по филантропическому побуждению, возникшему в сердцах людей накануне рождества.

Много внимания уделил святочным рассказам Максим Горький в своем раннем творчестве ("Извозчик", "Наваждение", "В сочельник", "Старый год" и др.). Его святочные рассказы далеки от традиционных образцов этого жанра. Польский исследователь Антоний Кмита считает горьковский рассказ "О мальчике и девочке, которые не замерзли" (1894) антирождественским, полемическим в сопоставлении с "Мальчиком у Христа на елке" Достоевского¹⁴. Маленькие герои Горького Мишка и Катя действительно не замерзают на улице. Они - нищие и просят подаяния. Накануне рождества Христова идут они в грязный и душный кабак, где за полученные деньги покупают себе колбасу. Здесь им хорошо и огорчает их только мысль о том, что надо возвращаться к тете, которая опять будет ворчать, издеваться над ними и отнимать у их добытые подаянием копейки. Мишка из названного рассказа Горького не жалкий и беспомощный сирота, он умен, хитер, находчив и самостоятелен. Эти черты воспитала в нем трудная жизнь, он с детства привыкает брать свою судьбу в свои руки и на рассчитывает на чужую филантропию.

В святочном рассказе "Извозчик" (1895), в котором использован мотив сна утомленного тяжестью жизни героя, заключается призыв к преодолению пассивности, равнодушия и всякого омертвления духа в человеке, к пробуждению в нем внутреннего жара и воли стремиться к подвигу.

Моральные проблемы "большой совести" и смысла жизни тогдашнего русского мещанства затронуты писателем в святочных рассказах "Наваждение" (1896) и "В сочельник" (1899). У героев Горького рождественский праздник является предлогом для суда

над собой, а вернее, над своим жалким существованием. Это особенно видно в образе купца Фомы Мосолова ("Наваждение"), который не знает, как использовать разумно свои миллионы и не хочет также принять подсказанного ему во сне хорошего совета, чтобы предназначить их на постройку школ и других необходимых в городе заведений.

Как видно, Горький решительнее и дальше, чем другие русские писатели, отошел от модели традиционного святочного рассказа, полностью преодолел его филантропическую тенденцию, морализацию и слащаво-сентиментальную окраску.

Святочный рассказ, заимствованный из западноевропейской литературы, нашел в России благоприятную почву для себя и дал здесь весьма обильный литературный урожай. Использовали этот жанр в своем творчестве выдающиеся писатели и второстепенные беллетристы. Русские авторы обогатили этот вид рассказа национальным содержанием, заметили и преодолели его шаблонность, односторонность тематики и ограниченность фабулы. Гуманистическая ценность русской классической литературы воплотилась и во все ее многочисленные святочные рассказы. Сам этот жанр с формальной точки зрения давно уже исчерпал свои художественные возможности. Не устарели, однако, этические ценности многих святочных рассказов, адресатом которых была всегда человеческая совесть и отзывчивость на чужое страдание. Русские святочные рассказы наглядно показывают, сколько общих начал и корней находится в моральных понятиях и общеевропейской культурной традиции.

Пимечания

- 1 См. примечания в книге Андреева, Л. Н.: Повести и рассказы в двух томах, т. 1, Москва 1971, с. 652.
- 2 Оригинальное заглавие: "A Christmas carol in prose".
- 3 См.: Краткая литературная энциклопедия, т. 2, Москва 1964, с. 687.
- 4 "Отечественные записки", 1848, № 9, отд. VIII, с. 44-49.
- 5 См. Фридлиндер, Г. М.: Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта (в кн.) Международные связи русской литературы под ред. М. П. Алексеева, Москва-Ленинград 1963, с. 378.
- 6 См. примечания в кн. Достоевский, Ф. М.: Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. 22, Ленинград 1981, с. 323.
- 7 Там же, с. 13. Следующие цитаты по тому же источнику.
- 8 Там же, с. 322 (примечания).
- 9 См. Лескоз, Ч. С.: Собрание сочинений, т. 10, Москва 1958, с. 475. См. также примечания Б. Я. Бухштаба (там же, с. 539). "Христос в гостях у мужика" был опубликован в журнале "Игрушечка", 1881, № 1.
- 10 Лескоз, Н. С.: Собр. соч., т. 7 (указ. изд.). Следующие цитаты из "Жемчужного ожерелья" по тому же источнику.
- 11 Там же, с. 278.
- 12 Чехов, А. П.: Собр. соч. в двенадцати томах, т. 2, Москва 1954, с. 475.
- 13 Куприн, А. И.: Собрание сочинений, т. 1, Москва 1957, с. 373.
- 14 Kmita, A.: Maksym Gorki a opowiadania wigilijne (v.(

O literaturze rosyjskiej. Wybór artykułów z czasopisma "Język Rosyjski", Pod red. J. Orłowskiego i A. Kmity, Warszawa 1987, s. 213-224.